

«Сяомэй, твоё имя всё равно красивое! Хотя я и не могу его выговорить, но, когда вижу столько иероглифов, оно кажется мне очень элегантным!» В темноте слышался лишь металлический голос Ронггуя: «А моё имя звучит очень обыденно. Мягко говоря, оно звучит как имя слуги. Грубо говоря, оно звучит как имя кого-то из дворца. Кстати, ты знаешь, что такое дворец?»

«Я не знаю, и, пожалуйста, называйте меня Эш».

«Ты всегда игнорируешь меня, когда я называю тебя Эш! Я долго говорил, а ты не сказал ни слова, но когда я называю тебя Сяомэй, ты сразу же отвечаешь, что доказывает, что тебе больше нравится имя Сяомэй!»

«...»

«Но это неудивительно. Мэй звучит гораздо милее, чем Эш! Я и не знал, что ты из тех, кто любит милые прозвища!»

«...»

Хотя он использовал тот же голос, что и сам, ему удалось превратить плоский металлический звук в ритмичный. Поскольку тело машины не испытывало жажды, этот парень не останавливался ни на секунду!

Если бы он знал, что встретит такого шумного парня, если не толкнуть дверь, он, возможно, открыл бы дверь и сразу же вышел!

Бывшее Величество Ашишви Мессерталь, ныне робот Сяомэй, подумал про себя.

Но в итоге он не применил никаких методов, чтобы заставить Ронггуя замолчать. Во-первых, его нынешнее тело было полностью временным, и у него не было никакого шумоподавляющего оборудования. Во-вторых, если бы он открыл рот, чтобы остановить собеседника, это не только не достигло бы цели, но и лишь сделало бы общение более приятным — хотя они были знакомы совсем недолго, он уже это понял.

Как ни странно, хотя поначалу он немного раздражался, но спустя долгое время он смог слышать голос Ронггуя как фоновую музыку. В этом безмолвном мире, несомненно, любой звук — это всегда хорошо.

Они шли три дня и две ночи. За это время Ашишви не раз думал, что другой человек, вероятно, больше не выдержит, не по физическим причинам, а психологически. Он не рассказал другому человеку, как выглядит внешний мир или что произойдёт, и почти не произнес ни слова во время пути. Это может показаться мелочью, но в этой обстановке, почти сравнимой с клеткой, это стало вполне стандартной моделью психологической пытки.

В полной темноте, когда не с кем поговорить, кроме как с самим собой, когда ничего не знаешь о внешнем мире, с неопределенным будущим и без понятия, сколько еще придется терпеть... многие люди из-за этого теряют сознание.

Во время его пребывания там работал надзиратель, который прославился формой заключения, максимально имитирующей подобную обстановку.

Всех проблемных заключённых отправят к нему, и их ждёт бесконечная тьма. Шестьдесят процентов заключённых сознаются через неделю, остальные сорок сойдут с ума, а оставшиеся... будут тайно казнены.

«Тюрьме не нужен такой терпеливый заключённый. С этими будущими скрытыми опасностями нужно бороться немедленно», — так объяснил это сам начальник тюрьмы.

Именно это и было написано в отчете, и Ашишви Мессерталь прочитал его собственными глазами.

Подобно ему, всегда достигавшему вершины, надзиратель каждый раз становился верховным правителем запретной зоны. В каком-то смысле они были старыми знакомыми, которые никогда не встречались.

В темноте он вспоминал некоторые моменты своего прошлого.

Он думал о своём, а Ронггуй, стоявший позади него, молчал. Подумав немного, он услышал, как Ронггуй сказал ему:

«Как насчет того, чтобы я спел для тебя песню?»

«Нет нужды, мы сейчас уйдём отсюда». Небесная песнь, которую он слышал раньше, всё ещё звучала в его голове, и в ближайшее время ему не хотелось, чтобы какой-либо посторонний шум ослабил её эффект.

Ашишви вовремя остановил предложение Ронггуя.

«Уходишь? Надо было раньше сказать! Знаешь, сколько усилий я приложил, чтобы найти собеседника?» Сначала Ронггуй немного обрадовался, но потом начал немного жаловаться.

«Тебе пришлось немало потрудиться, чтобы придумать такие темы, имея столь жалкие мозговые возможности», — спокойно сказал Ашишви.

«Ты... Бог знает, на кого я жалуюсь! Я беспокоюсь, что ты, Сяомэй, боишься темноты, поэтому и говорю всю дорогу так много. Я обычно тихий и красивый мужчина!» — снова послышалась

жалоба Ронггуя.

Ашишви замолчал, и пауза была настолько короткой, что Ронггуй даже не заметил ее.

В конце концов он ничего не сказал, но, выйдя из выхода, спокойно сказал: «Мы вышли».

«О, о, о!!!! Наконец-то он вышел! Дай-ка я посмотрю, как всё выглядит снаружи...» — Ронггуй возбуждённо повысил голос и ускорил шаг.

Однако когда он наконец вышел и «увидел» сцену перед собой, слова, которые он не успел произнести, умолкли.

«Так темно», — наконец прошептал Ронггуй.

Встроенный в работа часовой механизм показывал ему, что сейчас десять часов дня. Должно было быть светло, но в этот момент перед глазами Ронггуя предстала беспросветная тьма.

Место, из которого они только что вышли, представляло собой пещеру, выдолбленную в горе, а перед ними простиралась полоса... трудноописуемых гор и долин.

Не было видно никакой жизни, никаких живых существ, никаких растений, это было мертвое место.

«Где это?» — тихо спросил Ронггуй.

Он не ожидал ответа. Он уже заметил, что собеседник был тихим человеком.

Просто он привык находиться в оживленной обстановке и чувствует себя некомфортно, когда никто не разговаривает.

Однако, к его удивлению, на этот раз собеседник действительно ответил на его вопрос.

«Это Мессерталь, мой родной город».

«О! Это твоя фамилия, Сяомэй! Оказывается, твоя фамилия — это название твоего родного города!»

«Да», — не стал отрицать Ашишви.

«Тогда где же твой дом? Давай пойдём к тебе и посмотрим?» — Ронггуй тут же оживился.

Маленький робот был очень взволнован и подгонял Ашишви вперёд.

Ашишви проигнорировал его призывы и продолжил движение вперед с прежней скоростью.

У него не возникло так называемой «тоски по дому», и он не питал никаких ожиданий, поскольку здесь долгое время никого не было.

В конце концов, его слишком долго не было.

Прошло так много времени, что в его сознании это стало легендой.

Я просто не знаю, почему. Может быть, это случилось из-за того парня по имени Ронггуй, который все время говорил о своем родном городе или о чем-то в этом роде, и даже прочитал несколько стихотворений на их древнем языке, описывая возвращение домой.

На мгновение его сердце дрогнуло.

Это своего рода робость, называемая ожиданием.

Это было что-то вроде чудесной пульсации.

<http://bllate.org/book/15026/1328339>